

УДК 130.2

ЛОГОС ГЕРАКЛИТА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ЭСТЕТИКИ А. Ф. ЛОСЕВА

**КЛЮКИНА
ЛЮДМИЛА
АЛЕКСАНДРОВНА**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
klyukina-la77@yandex.ru*

Ключевые слова:

Гераклит
логос
А. Ф. Лосев
символ
философема
язык

Аннотация:

В статье анализируется интерпретация понятия логоса Гераклита А. Ф. Лосева. Русский философ характеризует мышление Гераклита как синкретическое, в котором совмещаются религиозные, эстетические и онтологические элементы. С позиции объективного реализма Лосев рассматривает логос Гераклита как символ, философему, выражающую непреодолимый закон космической жизни, являющийся вместе с тем божественной мыслью. Мыслитель делает вывод о том, что логос Гераклита – это не просто слово, не средство выражения, существующее отдельно от мысли, но это живая мысль, возникающая в ситуации приобщения человека к языку. Логос Гераклита – это истина бытия, недоступная человеческому познанию, но явленная чудесным образом в языке как возможность всех смыслов и всех вещей.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 28 августа 2023 года

Опубликована: 29 сентября 2023 года

В отечественной религиозно-ориентированной философии одним из первых, кто стал мыслить Логос как Слово Божие, был Сергей Николаевич Трубецкой. Он осуществил фундаментальное исследование интерпретации содержания понятия логоса в античной и христианской традиции. Он считал, что «λόγος, слово, происходит от λέγειν – говорить; логос означает слово или речь, то, что сказано, что говорится, причем этот термин может обозначать как форму, так и содержание речи, ее смысл или связь отдельных частей» [5: 20]. Трубецкой отмечает, что в античной прозаической традиции, от Кадма и Гекатея Милетского до Геродота, логос стал противопоставляться мифу как истина – лжи. Миф отождествляли с вымыслом или басней, а логос – с «разумом», истинным словом о природе вещей [5: 20–21]. Существенным образом на изменение содержания понятия логоса, с точки зрения Трубецкого, повлияли досократики. Однако в философии содержание этого понятия долго было неопределенным и у разных философов понималось по-разному [5: 21]. По его мнению, особый интерес представляет философия элейской школы. Элеаты первыми стали рассматривать логос как отвлеченное понятие. Они противопоставили логос как «слово о сущем» чувственному миру. «Отвлеченная мысль противопоставляется действительности, как единая истина; логическое понятие в своем диалектическом развитии упраздняет действительность – важный момент в развитии идеализма, в истории Логоса» [5: 23]. Иную трактовку понятия логоса Трубецкой обнаруживает у Гераклита, который отождествляет логос с внутренним законом сущего [5: 22].

«Совершенно иное течение мысли находим мы у великого Гераклита Ефесского: истинная природа вещей не есть отвлеченное бытие; она есть жизнь, вечно живой процесс творческого генезиса,

единство, осуществляющееся во множестве. Размышляя о загадке мироздания, о тайной гармонии, скрытом единстве, осуществляющемся в видимой борьбе противоположных стихий и начал, в вечном круговороте всемирной жизни, Гераклит силится угадать “слово” мировой загадки: по этому слову совершается все, и люди никогда не понимают его, слышат ли они его или нет (fr. 2). Это слово заключается в учении о единстве всех вещей (fr. 1): мудрость одна – знать ту единую мысль, или определение, которым “правится все через все”, – общий закон сущего. Это “слово” противопоставляется всем шатким речам и мнениям человеческим: оно одно, обще всему и всем; разум один, а люди живут, как бы имея каждый свой собственный разум» [5: 23].

Трубецкой признается, что для него остается неясным, совпадает ли у Гераклита логос со скрытым смыслом природы, причиной вещей, или нет, отождествлял ли он бытие и мышление или различал их. Однако мыслитель утверждал, что далее другие древнегреческие философы пытались найти связь между учением о логосе Парменида и учением Гераклита, соотнести мысль о неизменной субстанции Парменида с учением об историчности бытия Гераклита [5: 24]. Несмотря на то, что различные философские школы предлагали свои интерпретации этой проблемы, все они стремились «создать логическую физику, т. е. объяснить мировой процесс, отправляясь от логического определения сущего» [5: 24]. Данное обстоятельство, касающееся неопределенности мысли Гераклита о связи логоса с бытием, способствовало тому, что в истории отечественной и зарубежной традиции понятие логоса Гераклита стало трактоваться по-разному.

Представитель более поздней русской метафизики XX века Алексей Федорович Лосев связывает многочисленные разнообразные интерпретации философии Гераклита с такой ее чертой, как отказ от антропоморфизации природы и стремление к предельному гилозоизму [4: 408]. Свой взгляд на учение Гераклита Лосев формирует с позиции объективного реализма, основанного на мысли об укорененности в бытии «сущности» и «субъекта», диалектически связанных между собой [2: 62]. В своем фундаментальном исследовании «История античной эстетики» мыслитель называет философию Гераклита абстрактно-всеобще обработанной мифологией [4: 386]. Лосев писал, что образы Гераклита нельзя свести ни к мифологии, ни к философии, ни к науке и ни к поэзии, они содержат в себе элементы всех форм культуры [4: 387]. С точки зрения Лосева, особенности стиля Гераклита невозможно описать в категориях классической западной философии, поэтому он вводит понятие абстрактно-всеобщей мифологии. В ряде случаев он использует понятие космологической эстетики [4: 419], чтобы показать, что мысль Гераклита живет в его языке, в его оригинальном стиле, без которого невозможно ее понимание. В философии Гераклита смысл и выражение смысла совпадают, и вне этого совпадения его мышление превращается в абстрактную схему.

В высказываниях Гераклита Лосев выявляет диалектическое совпадение противоположностей: логического и материального, общего и единичного, идеального и реального, внутреннего и внешнего. «В основе всего космоса огонь есть логос космоса, а логос космоса есть гармония и вечная периодика противоречий, или противоположностей; а все вместе – и космос, и огонь, и логос, и гармония – есть судьба, необходимость» [4: 417]. С одной стороны, понятия логоса и гармонии Гераклита, по Лосеву, могут трактоваться всеобщими логическими категориями, выражающими свойства бытия, с другой – они мыслятся овеществленными, одушевленными, разумными, роковыми явлениями космоса, «т. е. им свойственна вся старая мифичность с тем существенным отличием, что теперь мифическим богом стал уже не Арес и не Афродита, а космическая гармония и космический ритм» [4: 416]. Отказ Гераклита от антропоморфизации античного мифа приводит у него к абсолютизации природных стихий. Такие свойства мифических богов, как вечность, одушевленность, разумность у Гераклита относятся к природе. В связи с тем, что природа начинает рассматриваться им уже как нечто абстрактное, все мировые события объясняются им не деяниями богов, а действием вечного мирового закона, который Гераклит абсолютизирует и отождествляет со слепой судьбой («ибо все предопределено судьбой всецело» [6: 201]). Трагический пафос Гераклита заключается в том, что он представляет мировой хаос, сам себя порождающий и поглощающий [i], не как мировое зло и смерть, а как естественное состояние, как невинные забавы ребенка [ii]. Согласно Лосеву, положение человека в космосе Гераклита определяется способностью человека найти свое призвание и достойно сыграть свою роль в этой мировой игре. Разбирая фразу Гераклита: «этос человека – его даимон» [6: 243], Лосев считает, что под «этосом» следует понимать «индивидуальность» [4: 412].

«Осознавая этого демона – самого себя, человек собирает свой ум, рассеянный повседневной текучестью, в сухой блеск умозрения; это делает его “мудрым” в творчестве, и он ощущает в своей душе творческий (“себя самого умножающий”) логос, в котором он узнает логос вселенский; и, наконец, воспринявший эти “демонические” дары и творчески их переработавший, он “уже” не говорит, не

скрывает, но “вещает”, “рождает символы”» [4: 413].

Лосев полагает, что в философии Гераклита эстетический момент неотделим от религиозного. В связи с этим некорректно говорить о том, чем является логос Гераклита: «словом Бога» или «мыслью» самого Гераклита. Вместе с тем полного совпадения субъекта и объекта в мышлении Гераклита не наблюдается, поскольку способность к творчеству не дается уже человеку богами [4: 413]. Стихийность и целесообразность мира, совпадение Бога и мира, а также относительное их различие, с точки зрения Лосева, невозможно объяснить без эстетически-структурного равновесия чувственного мира с самим собой [4: 391]. Именно такую эстетически-структурную функцию и выполняет понятие логоса у Гераклита. Чаще всего Лосев трактует логос Гераклита как «слово» [4: 374], однако он подчеркивает, что «слово» Гераклита не является абстракцией: «На деле Логос Гераклита в одинаковой степени есть и отвлеченность, и жизнь, божественное существо и мировое целое; мировой закон и мировое тело, т. е. огонь; идеальная форма и физическая стихия; вселенский разум и субъективно-человеческий критерий истины» [4: 395]. Чтобы показать, что живой и одушевленный мир находится в становлении, сохраняя в то же время форму порядка, космоса, Гераклит, по мнению ученого, обращается к понятию логоса: «Как огонь содержит в себе не только материю, но и нечто формальное, а именно структуру, так и Логос содержит в себе нечто материальное, но притом материальное, опять-таки структурно организующее и структурно организованное» [4: 389]. Становящийся и вечно движущийся материальный мир, структурно оформляющийся в ходе этого становления и стремящийся к ритмическому равновесию, и есть красота космоса, гармония, его мировой закон, логос [4: 390]. Понятие логоса использовали и другие досократики, однако, с точки зрения Лосева, Гераклит впервые приписывает логосу космологический смысл, что было новым в древнегреческой философии [4: 415]. Вместе с тем русский мыслитель утверждает, что эстетическая мысль у Гераклита отождествляется с онтологической, и ее не следует понимать как формально эстетическую [4: 410]. В таком случае логос Гераклита, по Лосеву, может быть только символом.

«Каждая вещь у него (у Гераклита. – Л. К.) отражает на себе общие судьбы космического огненного логоса. Другими словами, каждая вещь для него не только абсолютно материальна, но и, абсолютно символична, поскольку она есть результат тех или других функций мировой абстрактной всеобщности» [4: 414].

По Лосеву, так как каждая материальная вещь у Гераклита тоже отсылает к чему-то материальному, то такое учение можно назвать «символическим материализмом» [4: 414]. Логос Гераклита есть символ, так как он выражает тождественность смысла с вещью, который познается Гераклитом как индивидуально живой смысл посредством различных противопоставлений: жизнь – смерть, ночь – день, боги – люди, вечность – время и т. д. Все эти противопоставления нужны Гераклиту, согласно интерпретации Лосева, чтобы показать, что логос является элементом диалектического становления космоса и бытия, и вместе с тем законом этого становления и категорией, описывающей это становление. Чтобы оформить такую мысль, нужен инструментарий философии, особый «ненатуральный» язык. Лосев высказывает предположение о том, что Гераклит одним из первых стал осознавать различие между религией и философией, поэтому он упоминал людей, занимающихся подобным делом [4: 415] («многого знатоками должны быть любомудрые мужи» [6: 191]). Немецкий исследователь Герман Александр Дильс выдвинул гипотезу о том, что автором термина «философия» был Гераклит. [4: 415]. Лосев соглашался с Дильсом по этому вопросу, но акцентировал внимание на том, что язык Гераклита нельзя рассматривать в качестве философского, так как у Гераклита язык описания предмета мысли и язык рефлексии совпадали [4: 372], само понятие метода не было знакомо ни ему, ни другим досократикам. Поэтому логос Гераклита, по Лосеву, следует мыслить в качестве философемы.

«Вся эта вековая работа философской мысли дана у Гераклита в виде интуитивного зерна, корня, в виде какого-то семени, упавшего на философскую почву и породившего начальную философему, пока еще не различенную в себе, но уже вполне отличную от мифологических описаний вдохновения певцов и от простого эпического наития муз на художника» [4: 394].

С точки зрения Лосева, Гераклит не создавал специальный категориальный философский аппарат, но мыслил принципы «единства противоположностей», или «единства многообразия» интуитивно, выражая их в полумифологическом виде [4: 375]. Вечно подвижный и становящийся космос Гераклита есть огонь-логос, который описывался Гераклитом в виде пропорции, меры всего изменчивого, наблюдаемой в виде ритмичного материального процесса, в котором можно отличить как сами вещи, так и мыслить переход вещей друг в друга, понимая под общей основой переходящих друг в друга вещей нечто невероятное и неуловимое, и поэтому нечто божественное. Мысль о космическом

становлении Гераклитом переживается религиозно-эстетически, поэтому она выражается у него более ярко, живо, трагично-прекрасно [4: 375], чем у пифагорейцев, использующих для выражения космической «меры» более формальное понятие числа. Гераклит – религиозный философ, так как он обожествил абсолютность космического становления, восхищаясь игрой божественного космоса, он предельно осознал всю трагичность конечного существования человеческой жизни^[iii] и жизни вообще, при этом всю эту игру космоса-хаоса он видел прекрасной, так как хаос в своем творчестве бесконечно порождает сменяющие друг друга, но неповторимые живые разумные индивидуальности. Лосев предлагает свое объяснение причин, повлиявших на изменение взглядов Гераклита, в результате которого он осуществил переход от мифологического мировоззрения к абстрактно-всеобщей космологии. Философия Гераклита, по мнению Лосева, определялась новыми социально-историческими условиями, связанными с развитием полисной культуры, где постепенно на первый план выходит свободная личность, а не род, где осуществляется критика мифа философией, а в самой философии начинают оформляться абстрактно-всеобщие принципы [4: 418]. В космологии вечного становления Гераклита утверждается равенство всех вещей, так все они рождаются и гибнут в мировом огне, осознающий это не выделяет и не превозносит что-либо больше всего остального. Демократизация греческого общества предполагала формирование критически мыслящего индивида, способного соотнести свою индивидуальную судьбу со всеобщим мировым законом. Лосев, таким образом, предполагал, что в философии Гераклита имплицитно содержалась идея личностного начала.

Лосев исходил из идеи о том, что для досократической философии характерна мысль об укорененности сознания в бытии [1: 921], поэтому он рассматривал логос Гераклита как символ, философему, выражающую непреодолимый закон космической жизни, являющийся вместе с тем божественной мыслью. Человеку в ситуации такой тотальной предопределенности остается принять этот божественный закон как данность. Однако Лосев акцентировал внимание на эстетическом отношении к миру Гераклита, который видел прекрасную гармонию в череде хаоса и космоса и призывал человека быть героем и приложить все свои усилия, чтобы мыслить свою индивидуальность как проявление божественного замысла. Русский мыслитель выделяет особую чуткость Гераклита по отношению к языку. С его точки зрения, именно язык является у Гераклита связью между человеком и логосом. Однако речь идет не о естественном языке, а о философском. Такой язык выражается не посредством категорий, а путем диалектической связи противоположностей. По Лосеву, логос Гераклита, – это не просто слово, не средство выражения, существующее отдельно от мысли, но это живая мысль, возникающая в ситуации приобщения человека к языку. Логос Гераклита – это истина бытия, недоступная человеческому познанию, но явленная чудесным образом в языке как возможность всех смыслов и всех вещей. Таким образом, Лосев считал, что логос Гераклита есть неуловимый смысл бытия, само бытие. В философии Гераклита русский мыслитель видел не распад мифологии, но становление зрелого религиозного сознания, основанного на идее логоса-закона, развитой позднее в учении об эйдосах Платона в виде идеи логоса-гармонии [3: 265].

Примечания

[i] «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий» [6: 217].

[ii] «Век – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле!» [6: 217].

[iii] «Людей ожидает после смерти то, чего они не чают и не воображают» [6: 235].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гоготшвили Л. А. Религиозно-философский статус языка // Бытие – имя – космос / А. Ф. Лосев ; сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 906–923.
2. Ключкина Л. А. Феноменологическая стратегия исследования оснований русской культуры [в 3

ч.]. Ч. I. Метатеоретический подход М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского к исследованию сознания и культуры [Электронный ресурс] / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Электрон. дан. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. – 85 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 600 с.

4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. 624 с.

5. Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его истории. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. 492 с.

6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 575 с.

REFERENCES:

1. Gogotishvili L. A. Religious and philosophical status of language. Being — name — space. Moscow, 1993. P. 906—923. (In Russ.)

2. Kljukina L. A. Phenomenological strategy of studying the foundations of Russian culture (in 3 parts). Part I. Metatheoretical approach of M.K. Mamardashvili and A.M. Pyatigorskiy to studying consciousness and culture [digital source]. Petrozavodsk, 2018. 85 p. (In Russ.)

3. Losev A. F. The history of ancient aesthetics. High classics. Moscow, 1974, 600 p. (In Russ.)

4. Losev A. F. The history of ancient aesthetics. Early classics. Moscow, 2000, 624 p. (In Russ.)

5. Trubeckoj S. N. The doctrine of the Logos in its history. Moscow, 2000, 492 p. (In Russ.)

6. Fragments of the early Greek philosophers. Part I. From epic thekosmogony to the emergence of atomism. Moscow, 1989, 575 p. (In Russ.)

HERACLITUS'S LOGOS IN THE HISTORY OF ANCIENT AESTHETICS BY ALEKSEY LOSEV

KLYUKINA
Lyudmila

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Cultural
Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
klyukina-la77@yandex.ru*

Keywords:

Heraclitus
logos
Aleksy Losev
symbol
philosopheme
language

Summary:

The article analyzes the interpretation of Heraclitus's logos by a Russian philosopher A. Aleksey Losev. He characterizes Heraclitus's thinking as syncretic — combining religious, aesthetic, and ontological elements. From the viewpoint of objective realism, Heraclitus's logos is regarded by Losev as a symbol, or a philosopheme, that reflects the overwhelming cosmic law of life, and a divine thought at the same time. Losev concludes that Heraclitus's logos is not just a means of expressing a meaning that exists distinctly from thought, but a living thought arising from a person's involvement with language. Heraclitus's logos is the truth of existence that is beyond our comprehension but is miraculously manifested in language as a potential for every meaning and thing.